

Российские города в эпоху депопуляции

Над темой номера работала

Лилия КАРАЧУРИНА¹

Урбанизация Гардарики

Российские города непрерывно меняются: трансформируется их производственная база, социальная организация населения, жилая среда. Несмотря на бурные перемены последних лет, очень многое в развитии городов и урбанизации было заложено много раньше – в дореволюционный, а затем советский период. Вспомним: тысячу лет назад Русь звали Гардарикой — царством городов на пути «из варяг в греки». А вообще, «город» – от «укреплять стеной», «огораживать». До сих пор и то, и другое в определенной мере близко российской урбанистической системе. С одной стороны, городских поселений (городов и поселков городского типа - пгт) в России много. Иной вопрос – каких и в какой степени «много» - но об этом и пойдет речь ниже. С другой стороны – есть ощущение, что каждый из них идет своим «огороженным» путем – одни пытаются любой ценой получить или удержать заветный статус «город», в то время как другие, схожего размера и значимости, довольствуются разрядом «пгт». Одни всеми силами борются во время переписей² за учет каждого-прекаждого, иногда и фантомного, жителя, или идут по пути присоединения пары-тройки сел или пгт, дабы удержаться в желанном списке городов «миллионеров» или «пятисоттысячников», другие – отрешенно воспринимают восхождения вверх и спуск вниз по ранговой лестнице.

«Жизненный цикл» городов длинный, много больше, чем у людей. Города долго «вызревают». В некоторых случаях им помогает в этом государство и не всегда помощь оказывается по месту и по времени (вспомним, многочисленные примеры «насаживания» городов во времена административно-территориальной реформы Екатерины II. Тогда множество из них возникла, по выражению В.О. Ключевского, «...не вследствие экономических потребностей страны, но вследствие государственных соображений, по распоряжению Правительства»³). В других случаях, развитие тех или иных городов государством притормаживается или способствует смене их статуса⁴. Такое нередко случалось в истории российской урбанизации. Однако, главные «кузнецы» городов все-таки не правительства, а люди, живущие в тех или иных местах. Они могут быть более ориентированными на традиционные, нередко «сельские», ценности или менее склонными к ним. Им, в большей или меньшей степени, свойствен общинный или индивидуальный тип поведения, различна шкала ценностей (диапазон здесь от «сарая рядом с домом» до системы клубов и торговых моллов, или, по образному выражению А.И. Трейвиша и Т.Г. Нефедовой, «тут жизнь зависит от курса доллара, там – от погоды и урожая картошки»⁵).

Есть еще один важнейший «игрок» - местоположение города, точнее его потенциал. Ж.А. Зайончковская не устает повторять, что «если у города есть потенциал, то он всё равно будет расти, как ты его не закрывай, а, если нет, то не будет, как ни приманивай». Поэтому Москва, миная все административные запреты, каждые десять лет добавляла к своему населению по

миллиону человек⁶. И теперь, испытывая проблемы с обеспечением растущего и разнообразного рынка труда кадрами, готова идти по пути приоритетного привлечения мигрантов из других регионов России, тем самым расширяя свою и без того огромную метрополию и демографически оголяя периферию вплоть до Урала.

Вообще пространство России столь велико, что это, без сомнения, играло и играет ключевую роль в формировании системы расселения. Нехватка всяких ресурсов, кроме территории, влияла на все важные стороны российской жизни. Колонизация пространства длительное время в буквальном смысле «отнимала» ресурсы у урбанизации. *«Общество формировалось как бродячее на безграничных просторах... процесс колонизации, игравший столь важную роль в истории страны, по сути своей был одновременно колонизацией-миграцией»⁷*. Но эта миграция носила характер «вширь» и освоенчески трансформировала территорию, одновременно затрудняя движение в города. Долгое время урбанизация держалась не на массовой активности людей, склонных к развитию своей жизненной истории в иной, нежели сельская, среде, а на потугах государства иметь систему поселений, исполняющую набор административных функций. К 1800 году в российских городах проживало не более 8% населения. Почти век спустя, в 1897 году – 13%. Цифры изменились не сильно, но качественные изменения были значительны. *«Земледельческие переселения привлекали, в первую очередь, крестьян, не хотевших отказываться от привычного экономического и жизненного уклада и не готовых к этому. В деревне, однако, было немало и тех, кто так или иначе вышел за пределы традиционного земледельческого труда, соприкоснулся с миром денег, разбогател или, напротив, разорился. Они знали уже и другие пути, которые нередко были или казались более доступными, более притягательными. Все или почти все они были связаны с городскими занятиями, с городскими способами зарабатывания денег. Во второй половине XIX века движение в города значило в переселениях крестьян в России намного больше, чем их миграции, связанные с земледельческой колонизацией»⁸*. Тем не менее, по доле горожан Россия очень заметно отставала от европейских стран: тот уровень урбанизации, которого Россия достигла незадолго до начала первой мировой войны (14%), Германия или Франция имели в 1850 г. (15 и 19% соответственно)⁹. Но и сами горожане были отнюдь не горожанами в своем истинном значении этого слова. В 1940-50-е годы *«советские города были захвачены вчерашними крестьянами»¹⁰*, *«страна урбанизовалась, но сами города рурализировались», одеревенчивались, в этом заключалась одна из характерных черт дивергентного с Западом, городского развития»¹¹*. Патриархальность российских городов и поныне определяет лицо множества из них.

В советский период в России число городов и численность горожан быстро росли, менялось соотношение сельского и городского населения, развернулась «догоняющая» урбанизация. Но, как и раньше, развитие городов ограничивалось недостаточностью населения для столь обширной территории, возможностями административного принуждения и экономического обеспечения при «насаживании» новых городов. По основному количественному параметру – доле городского населения (73%) - Россия сравнялась с развитыми странами мира. Но другие количественные измерители и, тем более, качественные параметры урбанизации, все еще сильно отличались. Кроме того, огромные размеры территории и здесь вносили свою «ложку дегтя»: урбанизационное развитие сильно различалось по отдельным частям страны. Иного и быть не могло – природно-климатические условия; индустриализация, определявшая темпы урбанизации в XX веке; демографические и этнические различия – всё это предопределяло качественные и количественные региональные различия в урбанизации. Одни регионы достигли 50% доли городского населения еще в 1930-е годы (например, по Всесоюзной переписи населения 1926 года такое отмечалось в Ленинградской губернии или Свердловском округе Уральской области), другие (Республики Алтай, Тыва, Карачаево-Черкессия) не достигли его и поныне. Тем не менее, поступательный тренд поздней советской урбанизации был характерен для всех.

Что изменилось в российской урбанизации за 20 лет?

В 1990-е годы ситуация перестала быть однонаправленной и для страны в целом, и для ее отдельных регионов. Совершенно иной, чем прежде, стала динамика численности населения страны: произошла смена характера и вектора соотношения естественного и механического движения населения как факторов развития расселения. Если в предшествующие три десятилетия между 1959 и 1989 годами и вплоть до 1991 года¹², когда, несмотря на все колебания, тренд динамики населения был ясен и стабилен, а именно: сельское население сокращалось, а городское и – за его счет - общее население столь же неуклонно и повсеместно росли, то с середины 1990-х годов от этой ясности и стабильности мало что осталось. Пик городского населения России был достигнут в 1990 году: он составил 109,4 млн. человек, или 73,8% от общего населения. Начиная с 1991 года, городское население стало сокращаться. Впрочем, ничего необычайно резкого и неожиданного не произошло. Темпы роста городского населения, начиная еще с 1960-х годов, и без того неуклонно снижались, так что смена знака сама по себе была неизбежной, и общегосударственный кризис лишь ускорил ее.

Сокращение городского населения поначалу сопровождалось ростом численности сельского населения, в 1994 году почти «вернувшегося» на уровень показателя 1984-1985 годов – 40,1 млн. человек. Эта величина и стала пиком для сельского населения России в этот период. На протяжении двух лет - 1991-1992 годов - роста сельского населения было достаточно для того, чтобы не позволить снизиться населению в целом. Но, начиная, с 1993 года, совокупное население России, потоптавшись один год (1994) на месте, начало сокращаться, причем с ускорением. С 1995 года прирост сельского населения опять стал отрицательным, и падение общей численности населения страны стало все более ускоряющимся.

Существенный момент в этой динамике – тот, что само соотношение городского и сельского населения в постсоветской России до известной степени является «артефактом» - не итогом взаимоувязанного развития урбанистической и аграрной сфер расселения, а результатом стихийной и идущей снизу реформы административно-территориального статуса малых городских поселений, осуществлявшейся в России на стыке 1980-х и 1990-х годов.

В советский период вектор таких преобразований был почти сплошь проурбанистическим: сельские поселения стремились стать городскими и становились ими, что способствовало росту количества городских населенных пунктов и общей численности городского населения. В 1990-е же годы неожиданно разразился прямо противоположный процесс, названный впоследствии «административной рурализацией»¹³.

Процесс активного перевода городских поселений – а в России это, напомним, - города и поселки городского типа (пгт) - в категорию сельских начался в 1991 году. Городское население в целом по России вначале сократилось совсем ненамного (за 1991 год на 47,4 тыс. человек), но за два последующих года еще на 1052,9 тыс. человек, что составило 23% общего сокращения числа горожан. Общее же сокращение - 2002 год по отношению к 1989 году - достигло почти 4,7 млн. человек.

Например, преобразования городских поселений в сельские зафиксированы в 1991 году в 18 регионах (против 8 регионов, где имели место традиционные преобразования сельских поселений в городские), в 1992 году они состоялись уже в 24 регионах (против 6). Разумеется, это становились причиной снижения доли городского населения не только по стране, но и в отдельных регионах.

Логика таких преобразований в кризисные годы не могла быть иной, кроме экономической. Если в советский период для маленького поселка было выгодно и престижно побыстрее перейти в разряд городских, то в сложные 1990-е годы целесообразным стало прямо противоположное. Выгоды от

приватизации более крупных земельных участков, льготы в налогообложении, разница стоимости услуг ЖКХ предопределили эти переходы.

Впоследствии - в 2004-2008 годах – сельское население России вновь выросло благодаря административным преобразованиям еще на 1 млн. человек. В этот период сокращение сети пгт в пользу статуса «сельских населенных пунктов» было связано с реализацией реформы местного самоуправления и формированием муниципальных образований на территории всех субъектов РФ. По не вполне понятной логике, согласно Федеральному закону №131, пгт не может входить вторым городским населенным пунктом в городской округ и, значит, вынужден тем или иным способом «мимикрировать»¹⁴.

В некоторых регионах процесс приспособления к реалиям экономической политики федерального центра за счет переходов поселений из одного типа в другой стал весьма важным и осуществлялся множественно, часто в противоположных направлениях по отношению к одному и тому же поселению. Например, пгт Володарский в Астраханской области или пгт Лог в Волгоградской области в 2006 году были преобразованы в снп, затем в 2007 году вновь стали пгт, в 2008 году снова превратились в снп. Рекордсменом таких повторяющихся преобразований стала Чувашия: в 2006 году 7 пгт общей численностью почти в 50 тыс. человек стали снп, в следующем году они вновь вернули себе прежний статус, в 2008 году, прирастив суммарно ...64 человека, они вновь стали снп.

В целом административное реформирование стало небывало весомым компонентом динамики численности и соотношения сельского и городского населения.

Другим фактором, способствующим в 1990-е годы снижению численности горожан, стала миграция из города в село. Несмотря на раздававшиеся со всех сторон голоса о том, что это есть не что иное, как начало дезурбанизации, абсолютные размеры потока горожан, переселившихся из городов в сельскую местность, были незначительными – около 120 тыс. человек за 1991-1992 годы. И уж точно вовсе не такими, как это было в 1920-е годы. Тогда за четыре года – с 1917 по 1921 – население Москвы и Петрограда сократилось почти в 2 раза. И это был действительно масштабный «разворотный» процесс в пользу села¹⁵, подкрепленный малым по времени опытом городской жизни.

В 1990-е же годы горожанам довольно быстро стало понятно, что выжить легче, комбинируя возможности города (и числясь на заводах, вовлекаясь в челночный бизнес или мелкую торговлю) и «картофельно-овощной» дачи (деревни). Начался феномен «дачеизации», блестяще описанный в работах Т.Г. Нефедовой¹⁶. А миграционный отток из города в село прекратился.

Более того, совсем скоро – в 1994-1996 годы – российские города получили существенный миграционный прирост. Но формировался он в значительной степени уже не за счет «своего» русского села, а выходцев (горожан в первую очередь) из бывших союзных республик.

В целом за период между переписями 1989 и 2002 годов общее число городских поселений впервые сократилось: с 3230 до 2940¹⁷. Но внутренняя «природа» у этого сжатия разная: число пгт сильно сократилось (на 351, в том числе за счет перевода в сельские населенные пункты (снп) – 329, 46 пгт были включены в черту других городских поселений или объединены, 15 – упразднены или ликвидированы, 42 пгт были преобразованы в города; с другой стороны, 81 пгт был вновь образован, в том числе 21 – закрытое административно-территориальное образование), количество же городов за это время даже увеличилось (на 61 – за счет преобразований пгт, закрытых административно-территориальных образований, снп).

За последний межпереписной период 2003-2010 годов число городских поселений вновь сократилось и составило 2386, включая 1100 городов и 1286 пгт. По предварительным данным, в составе городов изменения были незначительными, но число пгт сократилось на 556 (30,2%). 413

пгт были переведены в разряд снп, 129 пгт были включены в черту других городов, еще 14 были вообще ликвидированы в связи с отсутствием в них жителей (переездом в другие населенные пункты). Однако всю палитру административных преобразований за этот период еще только предстоит понять, их исчерпывающий перечень пока не опубликован.

"Новые" и новые города в депопулирующей России

Почти треть появившихся в 1990-2010 годы российских городов молоды только статистически, т.к. это ... «при»открытые для глаз статистиков и аналитиков, но не для посещений, закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО). Подавляющее большинство из них были легализованы в 1994-1995 годах, но только этим периодом дело не ограничилось. ЗАТО продолжали «проявляться» и в конце 1990-х, и в середине 2000-х годов.

Предыстория вопроса такова: в 1992 году в России был принят закон о закрытых административно-территориальных образованиях, под действие которого попало 47 поселений общей численностью около 1,5 млн. человек: 10 из них находились в ведении Минатома и 37 - в ведении Минобороны РФ¹⁸. По распоряжению Правительства от 4 января 1994 года (без названия), официальные географические названия получили 19 городов и 18 поселков. Данным распоряжением открывались не только их имена, но и данные о численности населения, которые ранее просто «размазывались» по территории РФ.

Так в 13 регионах России появилось по одному новому городу, а в некоторых регионах (Красноярском крае, Мурманской, Московской, Свердловской областях, Приморском крае, Камчатской и Тверской областях) – число городов за счет ЗАТО возросло на 2-5¹⁹. Большинство новооткрытых поселений оказались расположенными в спутниковых зонах городских агломераций – Московской, Екатеринбургской, Челябинской, Красноярской, Томской, Владивостокской, Мурманской, Пензенской. Другие, как например, федеральный ядерный центр Саров (административно принадлежит к Нижегородской области, при этом фактически находится на территории Мордовии) или Знаменск (Астраханская область) находятся на значительном удалении от сколько-нибудь крупных городов и тем более агломераций.

С одной стороны, закрытость подобных городов являлась и до сих пор является отнюдь не метафорой. Физическая реальность их существования связана с наличием пропускного режима, контрольной зоны и пр. атрибутами запретной и даже «зонной» жизни, к которой, впрочем, сами жители относятся весьма благосклонно: привилегии в снабжении; минимальная преступность; жизнь в городе, как в селе, где все друг друга знают; низкая безработица; особый статус²⁰ – все это сейчас, а в особенности - в советские годы, виделось большим плюсом и порой перекрывало минусы повышенной опасности, изоляционизма и своеобразной элитарной, но техноцентрической замкнутости. Основу ЗАТО составляют НИИ и КБ, опытные заводы и испытательные полигоны. Закрытые города изначально создавались как стратегически значимые элитарные поселения: в них была высока насыщенность производственной и социальной инфраструктурой, действовали особые подходы к комплектованию населения.

С другой стороны, к началу 1990-х годов в России существовало несколько «открытых» городов и поселков, градообразующе связанных с оборонной деятельностью: таковы Обнинск и Сосенский в Калужской области; Дубна, Протвино, Жуковский и Химки в Московской, Северодвинск в Мурманской и множество других. Где достоверная грань между закрытыми на начало 1990-х годов и такими «открытыми» городами, сказать невозможно. Интересно, что процесс «открытия» ЗАТО в начале 1990-х годов сопровождался почти одновременным присвоением такого же статуса (ЗАТО) некоторым другим поселениям. Например, город Полярный в Мурманской области, где размещается база Северного военно-морского флота, ЗАТО стал в 1995 году. В этом же году статус ЗАТО получили пос. Сибирский в Алтайском крае, в 1996 году – г. Большой Камень (спутник Владивостока в Приморском крае), уточнены границы ЗАТО Новоуральска в Свердловской области²¹. Процесс реформирования структуры ЗАТО продолжается и поныне: совсем

недавно ЗАТО стали Власиха и Звездный городок (оба – Московская область). В Мурманской области путем слияния ранее существовавших ЗАТО Полярный, Гаджиево и Снежногорск родился новый город ЗАТО Александровск.

Урбанистически структура ЗАТО представлена в основном городами людностью от 25 до 50 тыс. жителей. К числу больших городов относится только Северск (Томск-7), близко к порогу «больших городов» (100 тыс. человек) подошли Железногорск (бывший Красноярск-26), Новоуральск (Свердловск-44), Озерск (Челябинск-65) и Саров (Арзамас-16, Нижегородская область).

Средняя численность населения закрытого города – 49,0 тыс. человек, пгт – 7,3 тыс. человек.

Итак, бывшие «номерные» города приобрели поэтические природные названия, среди них есть – Кедровый, Солнечный (их даже два – в Красноярском крае и Тверской области), Островной, Скалистый, Лесной, Озерск и Озерный, Снежинск и Снежногорск, Вулканный, Светлый и т.д. Одновременно – они столкнулись с необходимостью позиционирования себя как самостоятельных городов, поиска иных, кроме градообразующего, видов экономической деятельности, и встраивания в новое экономическое, социальное и урбанистическое пространство России. Если раньше интересы закрытых городов были полностью подчинены интересам их градообразующих предприятий, то теперь сами города во многом приобрели самостоятельное значение, тем не менее, остались малыми моноспециализированными поселениями со всеми вытекающими отсюда последствиями²². До начала 1990-х годов кадры для закрытых городов набирались (точнее отбирались) со всей страны, ныне же они частично «подпитываются» персоналом из близлежащих территорий, став «неформальными» региональными центрами²³. Никогда дотеле они ими не являлись, т.к. формировались не исторически-эволюционным путём, а создавались искусственно на основе административных решений, обоснованием которых были принципы секретности, военной и технологической безопасности. Но то, что уместно для военных объектов, мало пригодно для городов. В этом смысле их нынешняя фаза развития вполне соответствует урбанистической «новизне» и делает их внезапное появление на карте российских городов фактом, а не артефактом, как могло бы показаться. Но люди, десятилетиями отбравшиеся для работы в закрытых городах, конечно, несомненные горожане, причем в гораздо большей степени, чем это свойственно населению других городов размером до 100 тысяч человек.

Однако, несмотря на депопуляцию и системный социально-экономический кризис, и в 1989-2002, и в 2003-2010 годах появились и другие новые города, а не только «открылись» ранее закрытые. Две трети вновь образованных за новое российское время городов (53 из 85) прошли принятым советским путем – из поселков городского типа (а до этого обычно из сел) до городов. Их географическая привязка размыта, никакой объяснимой пространственной логики в их преобразованиях нет. По несколько таких преобразований случилось в Ленинградской, Московской, Калужской областях, Ямало-Ненецком АО, Башкортостане, но в основном это были единичные переходы в разных регионах страны. Впрочем, не вполне прослеживается не только географическая, но и хотя бы формально критериальная логика: средняя людность пгт, ставшего городом, на момент преобразования, составила 20,2 тыс. чел. При этом есть целая плеяда пгт, ставших городами - Мышкин (Ярославская область, 6,4 тыс. человек), Княгинино (Нижегородская, 6,8 тыс. человек) и Покровск (Республика Саха-Якутия, 8,0 тыс. человек), которые к моменту переоформления своего статуса были не только совсем небольшими и уж точно не достигали до формального критерия в 12 тыс. человек, но и находились в стадии падения своей людности. Встречалось и прямо противоположное: Дальнегорск и Большой Камень в Приморском крае, хотя и не росли, но насчитывали более чем по 50 тыс. человек каждый, то есть «тянули» на средние города.

Пожалуй, только оформление в города ряда пгт Московской области – Голицыно, Кубинка, Старая Купавна, Котельники – в 2004 году превратились из рабочих поселков в города – выявляет много сходств. Как по их положению (в зоне 20-50-километровой доступности от Москвы) и численности (все они в момент получения нового статуса располагали 16–22 тысячами жителей и, подобно

большинству близко расположенных к столице населенных пунктов, росли), так и по происхождению. Все, кроме Котельников, в советское время были связаны с выполнением оборонных функций и де-факто были полузакрытыми.

Напомним, что произошедшие изменения случились на фоне общероссийской стагнации и даже снижения численности населения, и обратных переходов – из пгт в сельские населенные пункты - в это время произошло многократно больше. Переходы из пгт в города для самих населенных пунктов никакой, кроме моральной, значимости не имеют – и те, и другие по российской классификации отнесены к «городским населенным пунктам».

Около десятка населенных пунктов сразу шагнули из категории сельских в городские. При этом единой и понятной логики здесь нет.

Магас – политический проект придания административного веса одной из республик (Ингушетия) в условиях разделения некогда единой Чечено-Ингушетии на Чеченскую и Ингушскую республики и отсекация бывшей столицы (Грозный). Проект фактически остался проектом: с момента основания города (1995) и до объявления его новой столицей (2000) – несмотря на общую положительную динамику численности населения всей Ингушетии и Назрани, число жителей Магаса почти не изменилась, а значимость осталась весьма сомнительной.

В 1990 году городами стали чеченские Урус-Мартан и Шали. Первый из них в 1970-1980-е годы считался едва ли не самым большим селом России (с. Красноармейское), так что формальный критерий людности здесь был соблюден: на момент обозначения Урус-Мартана и Шали как городов в каждом из них проживало более 30 тыс. жителей. С тех пор, численно они еще выросли.

Еще один пример административного переоформления большого южного села (станции) с развитой пищевой промышленностью и выполнение транспортных функций в город – история с селом Шпаковским, а с 1999 года – городом Михайловском в Ставропольском крае. В 1998 году в тогда еще селе Шпаковском проживало почти 50 тысяч человек.

И Урус-Мартан, и Шали, и Михайловск являются административными центрами одноименных районов, то есть наделены местными административными функциями.

Иная судьба у Муравленко (Ямало-Ненецкий АО) и Полысаево (Кемеровская область). Основанный в 1984 году как поселок нефтяников и даже названный в честь инженера-нефтяника В.И. Муравленко, первый был преобразован в 1990 году в город и имеет стандартный профиль северного нефтедобывающего города. Почти аналогична судьба Полысаево: рабочий поселок угледобытчиков в 1989 году стал городом, но близость к Ленинск-Кузнецку (до него - 9 км) способствует административной привязке к нему Полысаево.

Наконец, три новых города в центре страны – Юбилейный, Пересвет (оба – в Московской области) и Радужный (Владимирская область) связаны с функционированием ВПК и, хотя не имеют статуса ЗАТО, фактически являются ими. Юбилейный (до 1989 года – Болшево-1) встроен в г. Королев и специализируется на разработке ракетно-космической техники, а градообразующее предприятие Пересвета (ранее – поселок Новостройка в составе города Краснозаводск в Сергиево-Посадском районе) - ведущее предприятие Российского авиационно-космического агентства по испытаниям ракетных двигателей, космических аппаратов и спутников (ФКП НИЦ РКП, ранее - НИИ химического машиностроения). Радужный известен своим уникальным лазерным центром: Государственный научно-исследовательский испытательный лазерный центр (полигон) Российской Федерации «Радуга» имени И.С. Косьминова.

Учитывая специфическую судьбу трех последних анализируемых городов, фактически можно говорить об образовании за 1989-2010 годы даже не 10, а только 7 новых городов, преобразованных из сельских поселений.

Последним преобразованным из сел поселением стал расположенный всего в 8 км от МКАД и потому бурно застраиваемый город Московский. Это со всех точек зрения новое поселение: даже поселком он был по исторически меркам совсем недолго – около 40 лет. Инфраструктурная насыщенность пока явно недостаточна для того, чтобы считаться полноценным городом, но новые жители – в основном горожане из Москвы и других российских регионов, активно скупающие жилье в приоритетном коридоре развития «большой Москвы».

Разумеется, были и плавно-закономерные переходы из пгт в города. Г.М. Лаппо назвал этот процесс «вызреванием» городов – из пристанционных и промышленных поселков (пгт) городами стали Курлово (Владимирская область) и Сертолово (Ленинградская), происходила и «реабилитация» некогда лишенных своего статуса городов (Мышкин в Ярославской области или Княгинино в Нижегородской)²⁴. В подавляющем большинстве случаев получение нового статуса совершалось на фоне падения и без того невысокой людности и было скорее признанием былых заслуг, чем процессом придания поселению нового импульса.

За 22 года суммарное количество преобразований в города, исключая ЗАТО, составило 62. Это совсем немного по сравнению с предыдущими периодами. Напомним, что в период бурной советской урбанизации редкий год не был отмечен рождением нескольких новых городов. Только в Европейской части России за 1946–1958 годы было образовано 115 новых городов (около 9 городов в год), за 1959–1991 годы – 135 (4 города в год)²⁵, а ведь в это время активно градообразовывалась и Сибирь. Долгое время главным фактором появления новых городов выступало развитие промышленности. Её кризис в 1990-е годы остановил индустриальную природу появления новых городов, при этом другого столь же мощного градообразующего фактора не появилось. Развитие третичного сектора способствует скорее дезурбанизации. В понижающем русле действовала депопуляция: собственных миграционных резервов для роста новых точек оставалось все меньше. А ведь именно миграционный прирост еще со времен Е. Равенштейна²⁶ описывался как ключевой для появления и роста городов. Если бы не миграционный приток из стран СНГ, активно происходящий в этот период, даже такое небольшое градообразование, которое случилось, было бы невозможно.

Закат системы пгт

Следствием активных административно-территориальных преобразований, зачастую прямых и обратных, является то, что число преобразований оказалось существенно большим, нежели итог этих изменений, зафиксированный переписями 2002 и 2010 годов. По переписи 1989 года было зарегистрировано рекордное число поселков городского типа – 2193, т.е. в среднем на один российский регион приходилось около 28 пгт²⁷. Преобразы современных пгт – фабричные, пристанционные, рабочие поселки существовали в России давно, но в период активной индустриализации процесс формирования таких поселений набрал высокую скорость. В значительной степени это было связано с ростом промышленности и стремительным заселением районов нового освоения в Сибири и на Дальнем Востоке. Здесь зачастую урбанизация не «вызревала», а навязывалась. Легче всего сделать это было можно с помощью промежуточных форм расселения, которыми и были пгт. Но, если даже в городах жизнь не всегда была вполне городской, и жилищные условия и благоустроенность жилья не соответствовали городскому статусу, то в еще большей мере это было актуально для пгт.

В 1990-е годы, когда новые экономические реалии, а вместе с ними и направления миграционных потоков резко изменились, многие из этих поселений стали быстро терять население, что нередко служило одним из оснований для изменения их статуса и даже упразднения. Определенную роль

сыграла и проводимая реформа местного самоуправления, формирование новых муниципальных образований, объединявших несколько поселений, а также изменения в налогообложении.

Таблица 1. Типы населенных пунктов России по данным переписей населения 1926–2010 годов

	Города	Поселки городского типа (пгт)	Сельские населенные пункты (снп)
1926	461	702	...*
1939	574	743	...
1959	877	1495	294059
1970	969	1869	216845
1979	999	2046	177047
1989	1037	2193	152922
2002	1098	1842	155289
2010	1100	1286	153125

*данные отсутствуют

Источники: Щербакова Е.М. Численность и размещение населения //Население России 2003 – 2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад. Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Наука, 2006. С. 33. Предварительные итоги ВПН-2010 г.: Доклад http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php

По сравнению с городами, сеть пгт подверглась гораздо более сильной реконструкции. По сути, началась активная санация этой категории населенных пунктов: средняя людность пгт, ставших сельскими поселениями, в начале 2000-х гг. едва достигала 3 тыс. человек. Но были и совсем крошечные – среди 266 преобразований из пгт в снп, произошедших в 2004 году, 23 не достигали 500 человек, 31 насчитывали от 500 до 1 тыс. человек, 161 – от 1 до 5 тыс. человек, 46 – от 5 до 12 тыс. человек, 5 – свыше 12 тыс. человек. В конце 2000-х годов средняя людность пгт, преобразованных в сельские поселения, выросла и достигала 5,5 тыс. в 2008 году, 4,5 тыс. в 2009 году. Обратные преобразования – из сел в пгт – встречались в последние годы существенно реже и, как правило, происходили при людности свыше 5 тыс. человек.

Людность: переход из лиги в лигу

Ни в 1990-е, ни в 2000-е годы формально не были отменены или обновлены действовавшие в СССР критерии «города»: людность не менее 12 тысяч человек и не менее 85% работающего населения должно быть занято вне сельского хозяйства²⁸. Постоянное отставание и недоразвитость инфраструктуры, а также специфика советской индустриализации привели к обилию городов, формально не отвечающих этим мерилам. Проверить второй из предъявляемых к городам критериев не представляется возможным: данные о структуре занятости населения существуют только для городов с численностью населения свыше 100 тыс. человек. Население таких по размеру городов в действительности занято в основном вне сельского хозяйства. Что же касается критерия людности, то в 1989 году ему не соответствовало 168 городов, в 2002 году – 197, в 2010 году - 226 городов. По отношению к общей массе городов – это составляет 16,1% городов в 1989 году, 17,9% городов в 2002 году и 20,6% в 2010 году. Или иначе - фактически каждый пятый российский город уже по простейшему формальному – и формально действующему – критерию людности вовсе не является им. В них проживает 1,8 млн. человек (1,8% российских горожан). Здесь уместно вспомнить, что больше 100 лет назад известный российский географ и

статистик В.П. Семенов-Тянь-Шанский в работе «Города России в 1904 г.», перебрав разные варианты, предложил два своих критерия «истинного города» (людность не менее 1 тыс. жителей и торгово-промышленный оборот в размере не менее 100 тыс. рублей) и выделил 1771 собственно «истинных городов»²⁹. Из 761 «официального» города России его критериям не удовлетворяли 227 (30%) и наоборот, были такие негородские поселения (аж 1237!), которые полностью соответствовали выдвинутым критериям. Среди последних, впоследствии ставших городами, Орехово-Зуево (Московская область), Нижний Тагил (Свердловская), Бутурлиновка (Воронежская), но были и много таких, которые получив в XX веке статус «города» так и не достигли полагающейся советскому (а теперь и российскому) городу численности населения (12 тыс. человек): Любань (Ленинградская область), Злынка (Брянская), Спас-Деменск (Калужская) и др.³⁰.

В 1990-2000-е годы, отмеченные депопуляцией, постепенно возрастало не только количество критериальных «не-городов», но и число «не-городов»-карликов (с численностью населения до 5 тыс. человек). В 1989 году их было 24, в 2002 – уже 32, наконец, в 2010 стало 41.

Встречаются совершенно уникальные случаи – в старинном портовом Высоцке (бывший Тронгзунд) близ Выборга в Ленинградской области в 1989 году значилось ... 975 человек, но в 2010 году он, хотя и оставался крошечным, подрос до 1244 человек и уступил бремя «антилидерства» Чекалину (бывший Лихвин в Тульской области, 1151 человек). Большею частью города-карлики - это старинные города, ставшие городами (в основном уездными) во время Екатерининской административной реформы или даже раньше: Горбатов (Нижегородская область, 1779 год), Плес (Ивановская, 1778 год), Сольвычегодск (бывшее Усолье или Усольск, 1708 год) и Мезень (1780 год) в Архангельской, Кологрив (Костромская, 1778 год), Малоархангельск (1778 год) и Новосиль (1777 год) в Орловской, Холм (1777 год, Новгородская), Гдов (1708 год, Псковская), Духовщина (1777 год, Смоленская), Среднеколымск (1775 год, Саха (Якутия)).

Больше всего таких, не соответствующих критериям, городов, в тех регионах Европейской части страны, где традиционная мелкоселенность сочетается с негативными демографическими тенденциями. Например, в 2002 году в Ивановской, Костромской и Тульской областях городов с населением менее 12 тысяч человек было по 5, в Смоленской – 6, в Ленинградской, Псковской и Кировской по 7, в Калужской, Тверской и Вологодской - по 8, в Калининградской – 10. На востоке страны выделяются по этому показателю только Саха (Якутия) – 7 и Сахалинская область – 9 городов.

Еще один нюанс заключается в том, что за 1989-2010 годы выросло не только число городов, не удовлетворяющих порогу людности в 12 тыс. человек, но и вообще число малых городов с людностью до 20 тыс. человек. В 1989 году их было 376, в 2002 году – 410, в 2010 году – 418. Эта группа пополнилась как рассекреченными ЗАТО, так и быстро пустеющими городами, перешедшими в этот разряд из следующего (с населением от 20 до 50 тысяч человек). Среди тех, кто двигался «вниз», много городов «добывающего профиля» и индустрии: Нижняя Салда (Свердловская область), Бокситогорск (Ленинградская), Касли (Челябинская), но есть и другие – чей упадок начался намного раньше - старинные уездные Невель (Псковская область), Кирсанов (Тамбовская) или Туринск (Свердловская) тому примеры.

Переходы вниз-вверх случались и между другими группами. За 2002–2010 годы Пермь вышла из числа миллионеров и пополнила группу крупнейших. В эту же категорию попали, но уже с другой стороны, - Махачкала, выросшая аж в 1,5 раза, Томск, Кемерово, Тула. Впрочем, правда тут заключается в том, что чаще всего речь идет не о естественном и/или миграционном приросте, а вновь об административно-территориальных преобразованиях (присоединении близ расположенных пгт, сел, малых городов).

Группу крупных городов (250-500 тыс. человек)³¹ покинули Орск и Братск, но пополнили Сыктывкар, Нижневартовск, Якутск, Грозный, Новороссийск.

В когорте 100-тысячников основные изменения пришлось на 1990-е годы. Тогда сразу 8 городов заметно снизили население: Воткинск (Удмуртия), Серов (Свердловская область), Кинешма (Ивановская), Мичуринск (Тамбовская), Усолье-Сибирское (Иркутская), Анжеро-Судженск (Кемеровская), Воркута (Коми) и Магадан (последние два «северянина» потеряли за 13 межпереписных лет от четверти до трети своего населения). В 2000-е годы перешли в более низкий разряд Зеленодольск (Татарстан), Усть-Илимск (Иркутская область), Глазов (Удмуртия), Соликамск (Пермский край), Канск (Красноярский край), Великие Луки (Псковская).

В целом случаев заметного и истинного³² рангового «восхождения» немного. На него были способны только самые привлекательные центры (или расположенные вблизи них, например, города Подмосковья) и отдельные точки в демографически растущих регионах, которых остается все меньше. Например, в 1990-е годы Липецк и Тюмень пополнили ряды городов, с численностью населения 500 тысяч человек и более, а Волгоград примкнул к городам-миллионерам. Перешли в более высокий разряд выгодно расположенные Обнинск (Калужская область) и Железнодорожный (Московская), Нефтеюганск (ХМАО), само название которого в 1990–2000-е годы стало почти синонимом успеха.

Росла и меняла ранговую принадлежность плеяда южных средних и больших городов – Батайск (Ростовская область), Элиста, Дербент и Хасавюрт (Дагестан), Нальчик. Не отрицая естественные причины роста кавказских городов, заметим, что к результатам переписей 2002 и 2010 годов по республикам Северного Кавказа надо относиться с большой осторожностью. Например, в 1990-е годы поистине оглушительный рост показала Назрань – по официальным данным, в которые, тем не менее, трудно поверить, за 13 лет город вырос в 6,9 раза – с 18,1 тыс. человек в 1989 году до 125,1 тыс. человек в 2002 году. В ходе последней переписи данные были скорректированы, видимо, в более адекватном русле, и теперь людность Назрани - 93,3 тыс. человек. Другой ингушский город – Карабулак – вырос за 1989-2002 годы в 3,4 раза (в ходе последней переписи не изменил своей численности). Такими темпами могут похвастать ныне разве что быстро растущие азиатские и африканские города.

Переход России в стадию сильной депопуляции сделал невозможным дальнейший рост российских городов, за исключением сверхбогатой Москвы, которая притягивает мигрантов из регионов России и стран СНГ. Для других крупнейших городов миграционные источники роста играют куда менее значительную роль. Даже в Санкт-Петербурге миграционный прирост компенсировал не больше четверти естественной убыли населения в 2000-е годы. При этом в 1990-е годы самые разные российские города (приграничные, города Центра) получали серьезную подпитку мигрантами из стран СНГ. В 2000-е годы поток постоянной миграции сник и миграционная прибыль всё в большей степени концентрировалась на самых успешных городах России. В них же концентрируются и внутрироссийские мигранты, выезжающие из самых неблагополучных городов и регионов страны. И всё же – именно больших и мощных городов России по-прежнему не хватает. Советская политика недопущения роста крупнейших городов сделала свое дело, и в стране отсутствует необходимый пласт городов с численностью 2-5 млн. человек (за исключением единственного – Санкт-Петербурга), который должен был бы удерживать урбанистический и экономический каркас страны.

Правило Аурбаха – Зипфа («ранг – размер»), проверенное и действующее на крупных развитых странах мира, плохо работает для России. Оно постулирует, что города, распределенные в соответствии с их размерами (людностью) и рангами (порядковыми номерами по величине) формируют определенную закономерность: второй город должен быть примерно в 2 раза меньше первого, третий – в три раза и т.д. В Докладе Всемирного банка³³ приводятся соответствующие построения для Франции и США, которые подтверждают это эмпирическое правило. Расчеты для России³⁴ выявляют ощутимый недостаток крупнейших городов. В упрощенном варианте правило гласит следующее: если в Москве живет 11514 тысяч человек, то в Санкт-Петербурге должно быть 5757 тысяч (в действительности на 900 тысяч меньше), а гипотетически «правильная» людность Новосибирска, который является третьим городом страны, 3838 тысяч человек (в действительности она 1473,7 тысячи). Все российские города вплоть до 11-го оказываются

меньше желательной величины. Прослойки же средних и малых городов России, может, и не хватает, но это не так очевидно (рис. 1). Здесь опять надо вспомнить про огромное российское пространство, которое сложно равномерно «насытить» населением по всем направлениям. В каком-то смысле стоит констатировать, что насаждавшаяся в СССР модель «рассредоточенной концентрации»³⁵ (к тому же в условиях борьбы с ростом больших городов) оказалась превалирующей. В 2000-е годы, когда идеология «заполнения пространства» и заселения востока осталась только периодически поднимаемым лозунгом, сказались депопуляция и гиперконцентрация финансовых ресурсов в Москве, отнимающая возможности сосредоточения в других сколько-нибудь крупных центрах. Разумеется, сокращение поселений на самом «нижнем» этаже урбанистической структуры тоже чревато: например, увеличением и без того низкой связанности пространства³⁶.

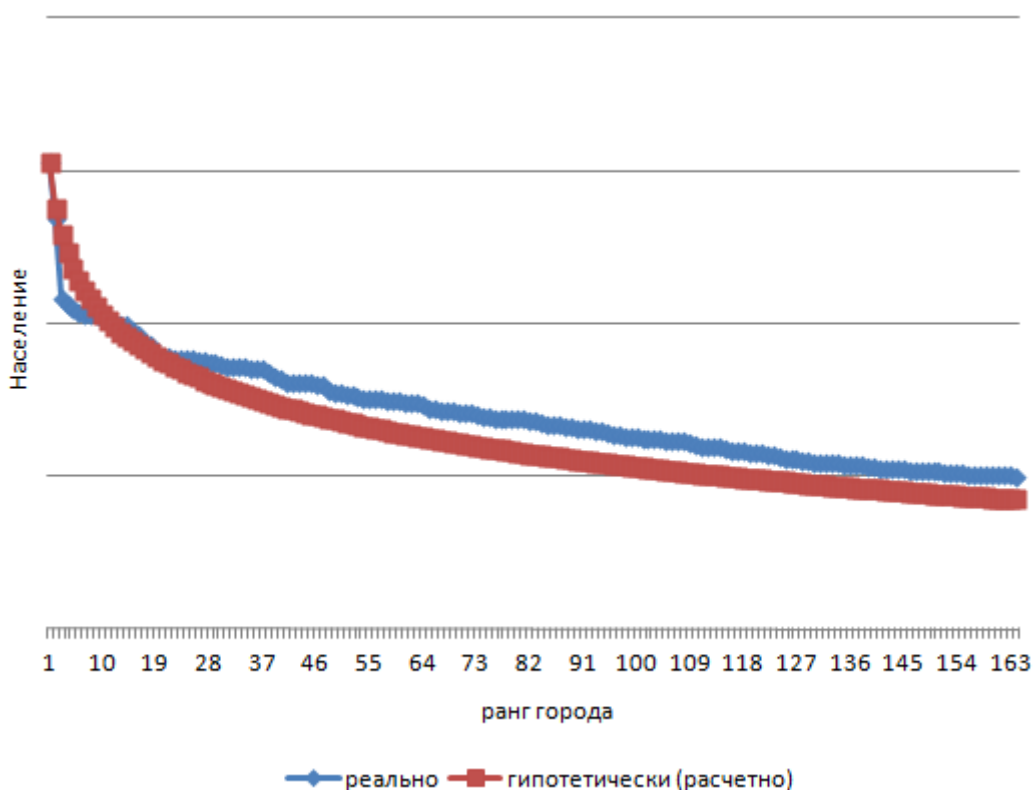

Рисунок 1. Распределение российских городов по их размерам и рангам (порядковым номерам), 2010 год

Источник: Расчеты автора по данным Предварительных итогов ВПН-2010 г. Росстат, 2011

Расчеты А.И. Трейвиша³⁷ и Т.Г. Нефедовой³⁸ показывают, что даже более насыщенной городами и более плотной Европейской части страны (без северной зоны) для успешной работы агропредприятий не хватает 64 больших города с 6-7 миллионами человек. Им же принадлежит сопоставление числа больших городов России с другими крупными странами³⁹. В России середины 2000-х годов было 167 больших городов (по Всероссийской переписи населения 2010 года их 164), тогда как в США на почти вдвое меньшей территории их 276 (по переписи 2010 года), на в 7 раз меньшей территории ЕС-12 – 196 (2010 год).

Аналогичное построение для Германии (рис. 2), находящейся в почти столь же неблагоприятной демографической ситуации, как Россия, здесь показывает иное, чем в России распределение. Начиная со второго города (Гамбург) и вплоть до 200-х номеров кривая с реальной людностью городов находится выше расчетной кривой. Множество городов помещается в верхней части графика. Это означает, что немецкое распределение, в отличие от российского, относится к так называемому полицентричному типу. В российском случае перепад между первым и дальнейшими по рангу номерами выражен резче, чем это следует из правила ранг-размер, что подчеркивает доминирующую роль первого города по отношению к другим крупным (П. Хаггет называет такой тип распределения "приматным")⁴⁰.

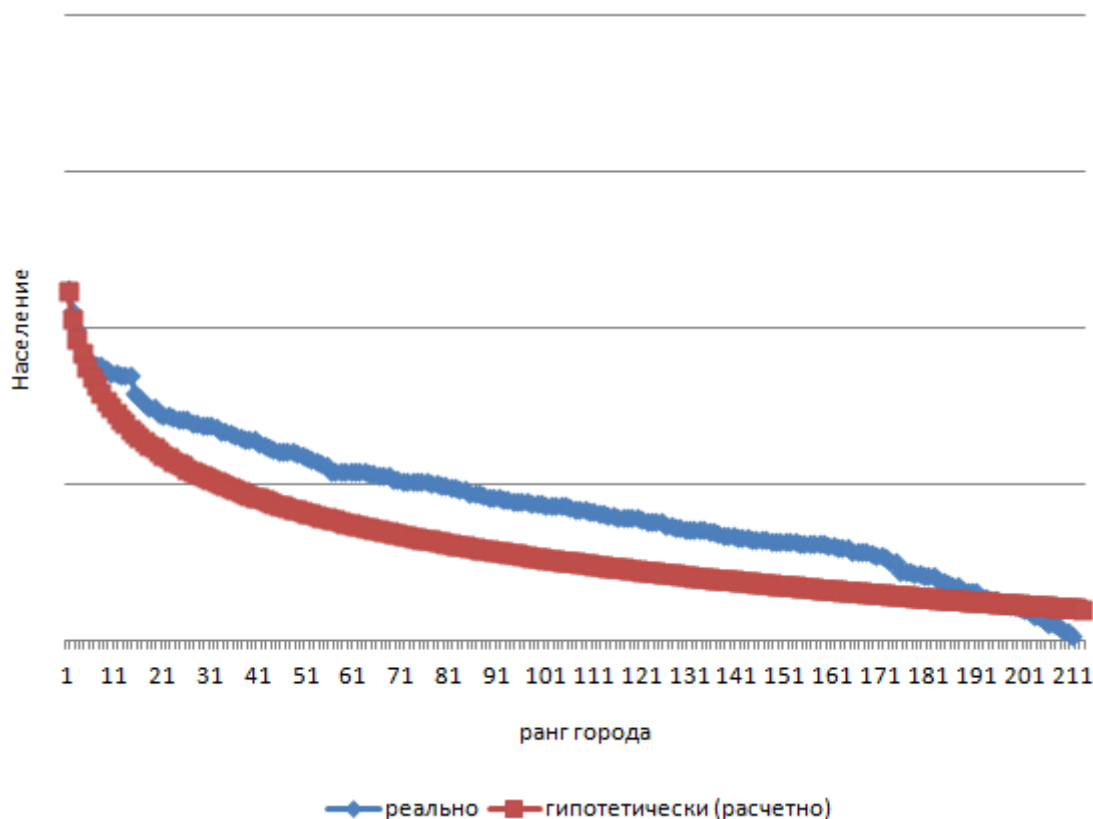

Рисунок 2. Распределение городов Германии по их размерам и рангам (порядковым номером), 2010 год

Источник: Расчеты автора

Бросается в глаза и неизменность превышения реальной численности населения над расчетной для множества городов. Достаточно велики для урбанистической структуры Германии не только второй или пятый город, но и сотый тоже. Городов много, они размещены достаточно равномерно и они полнокровны. В 1960-е годы Б. Берри, проанализировав распределение по типу ранг-размер городов с населением 20 тысяч человек и более в 38 странах, пришел к выводу, что только в самых крупных и имевших длительную историю урбанизации странах, распределение носит полицентричный вид.

Урбанизация "по отчету" и "по факту"

Доля городского населения РФ уже давно застыла на уровне, равном 73-74%. Это близко к аналогичному показателю доли городского населения во многих развитых странах, но в этом сопоставлении остаются нерешенными несколько вопросов:

- понятие «город» сильно различается между странами с точки зрения людности (в Дании это поселение размером больше 200 человек, в Австралии – свыше 1000 человек, в Греции, Малайзии, Италии, Португалии, Сенегале, Испании и Швейцарии городами считают муниципалитеты, коммуны и агломерации, где численность населения более 10000 человек, в Японии – свыше 50 тыс. человек), из этого следует разное понимание странового (регионального) уровня урбанизации. Пересчет на единую границу «города» даст совершенно отличные результаты⁴¹;
- то, что «хорошо» (иначе говоря, является высоким уровнем урбанизации) для южных стран, «плохо» для северных. А.И. Трейвиш показал, что Россия уникальна по своей реальной «северности» для населения⁴², поэтому её параметры урбанизации исходя из геопространственного положения, чтобы считаться действительно высокими, должны были бы быть еще выше.

В Европе для более адекватного отражения особенностей развития сельских и городских территорий теперь используют два подхода. Организация экономического сотрудничества и развития выделяет локальные административные единицы (образования) и регионы. Локальные единицы считаются сельским поселением (общиной), если плотность населения в ней не превышает 150 жителей на квадратный километр. Среди регионов к городским относят только такие, в сельских общинах которых проживает менее 15% населения. По этой Концепции только 8,6% территории ЕС являлись преимущественно городскими территориями, но на Мальте таковых было почти 100%, в Нидерландах – 61,7%, Бельгии – 54,8%. Несмотря на преобладание сельских территорий, большая часть населения ЕС проживает на городских землях (42,4%). В Нидерландах городского населения больше 80%, в Бельгии – 78%, в Великобритании – 69%, в Германии – 58%. По Концепции анализа степени урбанизации территорий, применяемой Евростатом, разбиение территории на городскую и сельскую строится в зависимости от совокупности плотности заселения и общей численности населения. В плотно заселенных территориях живет 43% населения Нидерландов, почти 85% населения Мальты, 70% жителей Великобритании, 55% - Бельгии⁴³. К плотно- и среднезаселенным территориям относятся такая совокупность примыкающих друг к другу поселений, в каждом из которых плотность населения не ниже 500 или 100 человек на квадратный километр соответственно, а общая численность не ниже 50 тысяч человек. Если рассматривать территорию России с ее крайне низкой плотностью населения и разреженной сетью населенных пунктов с позиций Евростата, то получится, что доля населения, живущего в плотно- и среднезаселенных территориях, - не более 55-57%. Это уровень Словении, Словакии, Эстонии.

Среднероссийский показатель урбанизации 73,7% (проживает в городах и поселках городского типа), как и многие другие параметры, сильно дифференцирован по стране. Как и положено, самым высоким уровнем урбанизации (свыше 80%) отличаются регионы, чьи природно-климатические условия не подходят для ведения сельского хозяйства и проживания в сельской местности - Европейский север и Дальний Восток (Мурманская, Магаданская, Сахалинская, Камчатская области, ХМАО, ЯНАО). Высокоурбанизованное ядро в Центре составляют старопромышленные регионы с густой городской сетью вокруг Москвы и Санкт-Петербурга и их областей (Ивановская, Владимирская, Тульская, Ярославская). Третий мощный очаг урбанизованности сложился из давнеиндустриальных регионов Урало-Поволжья и юга Сибири (Свердловская, Кемеровская, Челябинская, Самарская области). Слабо урбанизованные зоны – и вследствие климатического благоприятствования этому, но главное – в силу неиндустриализованности, аграрности хозяйственного профиля и общего уклада жизни, – как и на протяжении всего советского времени, располагаются в национальных республиках юга Сибири и

Кавказа. Слабая урбанизация – на уровне 50% - является дополнительным препятствием их развитию и включенности в российскую и глобальную экономику. Впрочем, до сих пор 6 регионов России не сумели добраться даже до 50-процентной доли горожан: Республики Алтай (27,6%), Чечня (34,9%), Ингушетия (38,3%), Карачаево-Черкессия (43,4%), Калмыкия (44,1%), Дагестан (45,2%). Адыгея и Краснодарский край совсем ненамного превысили этот уровень.

Но при этом Краснодарскому краю свойственна высокая густота городской сети, значительное число больших городов (4 города с людностью свыше 100 тыс. жителей), один из самых низких удельных весов столицы в населении региона. Близкие параметры урбанистической системы наблюдаются у некоторых регионов со средним (по российским меркам) и более высоким уровнем урбанизации типа Ростовской, Волгоградской, Владимирской областей, Башкортостана, Татарстана. Одновременно в северных регионах со статистически самой высокой долей горожан в населении (Магаданская, Камчатская, Мурманская области), другие важные параметры, такие как - слабая насыщенность городами, низкая доля крупногородского населения, небольшое число больших городов, высокий удельный вес пгт в городском населении - свидетельствуют о невысоком уровне урбанизированности.

В десятке российских регионов – некоторых западных (Рязанской, Астраханской областях), но особенно восточных (Новосибирской, Камчатской, Омской, Томской областях) – столичный город концентрирует 65-80% горожан своего региона.

Реальная недоурбанизированность России отчасти следует и из рис. 3.

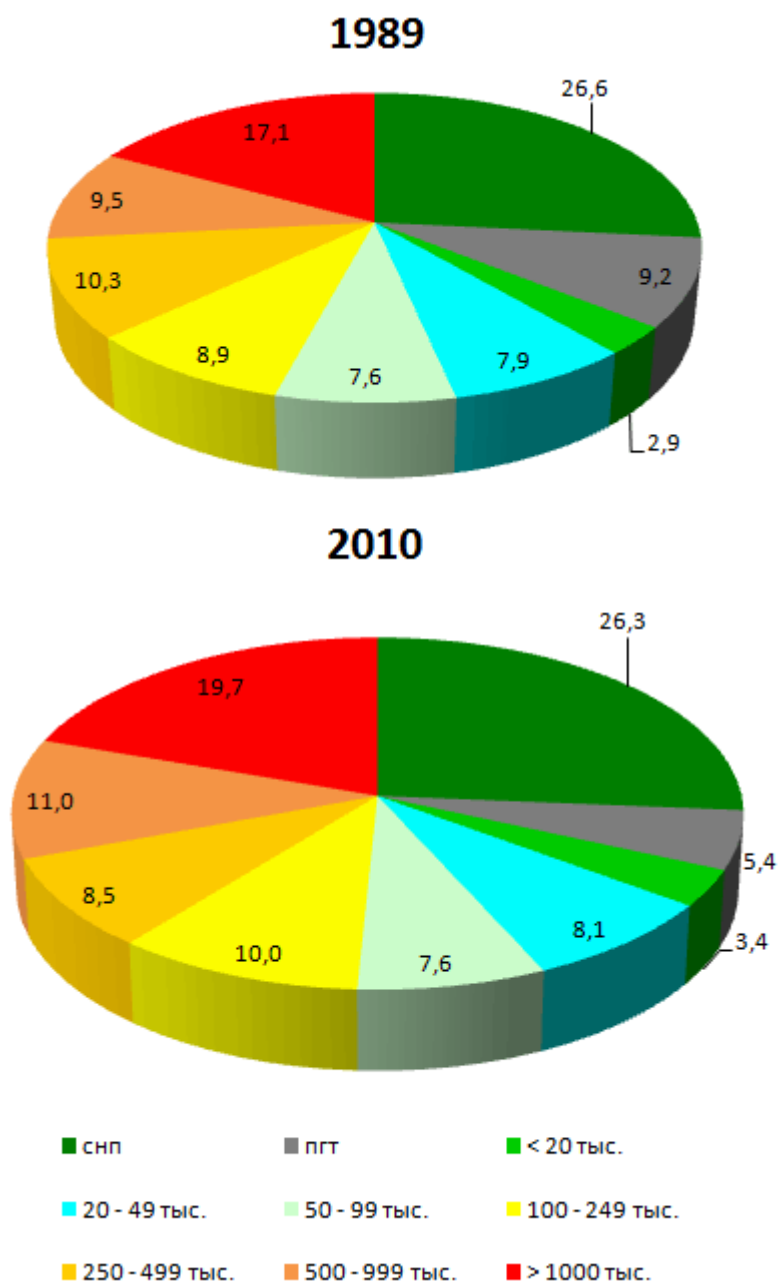

Рисунок 3. Удельный вес населения России, проживающего в городских поселениях разной людности; сельских поселениях, поселках городского типа, 1989 и 2010 годы, %

Расчеты автора по данным: Предварительные итоги ВПН-2010 г.; Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: РИИЦ, 1991.

52,5 млн. человек в 1989 году и 45,3 млн. человек в 2010 году, то есть около 1/3 россиян, проживали в основном в сельских условиях⁴⁴ или, считаясь горожанами, вели близкий к сельскому образ жизни (пгт). Если к ним прибавить горожан, проживающих в поселениях размером до 50 тысяч человек, то цифра возрастет до 68,5 и 61,8 млн. соответственно. Тенденция к её снижению вызвана, в том числе, депопуляцией. Но последняя ведет и к старению, снижающему

потенциальную миграционную мобильность, готовность к выезду из неблагоприятных поселений, впрочем и без того невысокую. Одновременно немного выросла доля населения, проживающего в городах, которые российские исследователи (Н.В. Зубаревич⁴⁵, Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш⁴⁶) называют относительно «благополучными» (свыше 250 тысяч человек). В них официально проживало 36,9% россиян в 1989 году и 39,2% - в 2010 году. Реально – с учетом внутренней трудовой миграции, в которую вовлечены от 1,7⁴⁷ до 4-5 млн. человек⁴⁸ – еще больше, ибо такая миграция всегда направлена в самые крупные и мощные центры.

Так называемая «бытовая» урбанизация – связанная с оснащенностью жилья горожан «городскими» коммуникациями – канализацией, водопроводом, ваннами или душем, горячим водоснабжением – то есть делающая проживание в городе действительно «городским» хотя бы с позиции бытовых условий жизни, корректирует параметры российской урбанизации в сторону уменьшения. Исследования Т.Г. Нефедовой⁴⁹ и А.И. Трейвиша⁵⁰, проведенные на детализированных данных «Паспортов городов» середины 1990-х годов, показали, что, уровень «реальной» урбанизации составляет не более 65% (59% живут в городах с «городскими» условиями и 6% в селах с адекватным благоустройством) и он тем ниже, чем меньше размер поселений. Для жителей крупнейших городов (от 500 тыс. до 1 млн. человек) доступность канализации в Европейской части России составляет 90%, для городов людностью 20-50 тыс. человек – только 68%, для городов населенностью 10-20 тыс. человек и вовсе 56%. Доступная статистика 2009 года представлена только региональным уровнем, поэтому не представляет информации для углубленного анализа. Тем не менее, она свидетельствует, что до сих пор только в двух столичных городах почти все параметры благоустройства жилищного фонда находятся на уровне, близком к 95-99%. Во всех остальных регионах, даже возглавляемых городами-миллионерами, не превышают по канализации 85-87%; по наличию ванн (душа) – 80-88%, по горячему водоснабжению – 78-80%. Только в Татарстане ситуация несколько более благоприятна и приближается к параметрам Санкт-Петербурга.

Повсеместно ситуация с благоустройством жилья на востоке страны, несмотря на более позднюю, и значит молодую, урбанизацию и неблагоприятные природно-климатические условия, хуже, чем в староосвоенной части России. Но и здесь – в Брянской, Новгородской, Псковской, Ивановской областях – только у 72-74% горожан есть канализация.

В целом по уровню оснащенности «городскими» коммуникациями Россия еще сильно отстает от многих европейских стран⁵¹, и эти параметры снижают реальный уровень российской урбанизации не менее чем на 10%.

В качестве маркера урбанизированности/руральности территорий могли бы, видимо, выступать доступность и объем потребляемых населением услуг, продолжительность проживания в городских условиях, распространенность занятий сельским хозяйством, внешний облик городов, социокультурные ценности, экологическая обстановка, но такими данными в нужном разрезе мы не располагаем.

Тем не менее, именно достижение городского уровня и стандартов жизни, разнообразия мест приложения труда и жизненных стратегий, а не нагнетание массы городского населения, уже давно рассматривается в мире как мерило урбанизации. Отсюда следует, что устойчивость уровня урбанизации в России вовсе не означает ее окончания, а должно рассматриваться как завершение стадии количественного роста, возможного (?) начала новой фазы урбанизационного процесса. В течение всего советского периода «количественный рост опережал качественное развитие. Примерно 2/3 ныне существующих городов России образованы в течение XX века, из них около 400 городов имеют городской «стаж» менее 40 лет. Вследствие непродолжительности существования в качестве городов они не успели стать истинными городами ни по своей экономической базе, ни по качеству городской среды, ни по образу и качеству жизни населения»⁵². В итоге к 1990 году среди шестидесятилетних россиян коренных горожан было не более 15-17%,

среди сорокалетних – около 40% и только среди двадцатидвухлетних и более молодых – более 50%⁵³.

Население страны делится теперь на три не вполне равные части – городскую (население городов с людностью свыше 250 тыс. чел. - 39,2% в 2010 году); городско-сельскую и сельско-городскую (25,7%); преимущественно сельскую (сельские поселения, пгт и города до 20 тыс. человек - 35,1%). За 20 лет, прошедших между последней советской переписью населения 1989 года и Всероссийской переписью населения 2010 года, произошли значительные изменения в пространственной организации жизни населения. Эти изменения связаны как с новой экономикой, возникшей в России после 1992 года и резко поменявшей само устройство жизни, так и с теми явлениями, которые назревали давно – например, исподволь наступающей депопуляцией и изменении демографического режима. Благодаря соседству с бывшими союзными республиками и активному пополнению России мигрантами оттуда, депопуляция не стала пока многомиллионной. Но она обнажила и без того точечное, негустое созвездие российских городов. Если полтора века назад урбанизация «спорила» с колонизацией (или, точнее, все же с метрополилизацией собственного огромного пространства), то теперь вопрос перешел в иную плоскость. На наш взгляд, он звучит сегодня так: что хуже – отсутствие прослойки мощных городов-центров, способных продуцировать новые стандарты городской жизни, и задавать импульсы всей системе, или постепенное «схлопывание» мелких городов, которые являются остовом системы городских поселений. На повестке и следующая дилемма: чем жертвовать - развитием крупнейших городов или существованием малых? На самом деле, это вопрос о том, что важнее – голова или шея. По словам В.Л. Каганского, «большой город – не замена малому, а малый – это не недоросший большой... Все нужны друг другу»⁵⁴. Наконец, третий вопрос – надо ли вмешиваться в развитие урбанизационной системы, если потенциальные выгоды и издержки не просчитаны и риск ошибочных решений чрезвычайно велик, или положиться на естественное развитие событий. Определенно ясно, что все эти «пространственные» процессы сами по себе очень региональны и сюжеты будут неодинаково развиваться в разных частях и регионах России.

¹ Карачурина Лилия Борисовна, к.г.н., зам. зав. кафедрой Демографии, доцент НИУ ВШЭ. Исследование проведено при финансовой поддержке фонда факультета экономики НИУ ВШЭ (2012 г.).

² Особенно последних переписей 2002 и 2010 гг., проходящих уже в стадии общей депопуляции, но и во время проведения «советских» переписей такие случаи были известны.

³ Цит. по Пивоваров Ю.Л. Россия и мировая урбанизация: антропокультурная и пространственная динамика. Нальчик, 2007. С. 158.

⁴ Например, отсутствие в течение некоторого времени железнодорожного переезда через Волгу около Казани в конце XIX века вызвало ощутимую заминку в ее торгово-промышленном развитии, особенно по сравнению с Самарой, около которой был Сызранский мост.

⁵ Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Между городом и деревней // Мир России. 2002. № 4. с. 63.

⁶ См. Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Москва и миграция // Демоскоп Weekly. 2009. № 389-390. <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0389/tema01.php>

⁷ Ахиезер А.С. Динамика урбанизации и миграция: Россия, СССР, Россия // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. Под ред. Ж.А.Зайончковской. М., 1999. с. 18.

⁸ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998, с. 81-82, 83.

⁹ Гайдар Е.Т. О современном экономическом росте и догоняющем развитии. М.: ИЭПП, 2003. <http://www.iep.ru/files/persona/gaidar/26feb2003ru.pdf>

¹⁰ Вишневский А.Г. Серп и рубль..., с. 98.

¹¹ Там же, с. 100.

¹² Данные пересчетов численности населения РФ по итогам Всероссийской переписи населения

2002 г. показывают, что пик численности городского населения был достигнут в 1991 г., он равнялся 109405,1 млн. чел. Одновременно минимальная численность сельского населения достигла 38868,6 млн. чел. Ист.: Российский демографический ежегодник 2005. Росстат, 2005. С. 40.

¹³ Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Кризис урбанизации и сельская местность России //Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. Под ред. Ж.А.Зайончковской. М., 1999, с.91

¹⁴ Глезер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство субъектов РФ //Известия РАН. Сер. География. 2008. № 5. с. 58.

¹⁵ Разумеется, существенный вклад в убыль населения Москвы и Петрограда сыграла в те годы и эмиграция.

¹⁶ Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. С. 29-39.

¹⁷ Щербакова Е.М. Численность и размещение населения //Население России 2003-2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад. Отв. Ред. А.Г.Вишневский. М.: Наука, 2006. с. 30.

¹⁸ Сейчас несколько ЗАТО принадлежит также Роскосмосу.

¹⁹ Подробнее об этом – См. Лаппо Г.М., Полян П.М. Закрытые города в приоткрытой России //Проблемы расселения: история и современность. (Серия: Россия 90-х: проблемы регионального развития. Вып. 3). М.: Ваш выбор. ЦИРЗ, 1997. с. 22.

²⁰ В работе Н.В.Мельниковой «Менталитет населения закрытых городов Урала, вторая половина 1940-х – 1960-е гг.» (дисс. к.и.н., 2001) описывается, что идеологически внушенное местной пропагандой постоянное противостояние «обычным» городам, а также распространенное ощущение гордости за оказанное доверие трудиться в закрытых городах нередко становилось причиной того, что жители ЗАТО, несмотря на грозившую уголовную ответственность, сообщали родственникам, друзьям, попутчикам сведения о том, где они живут и работают.

²¹ Указ Президента РФ № 584 от 07.06.1995 «О преобразовании города Полярного Мурманской области в закрытое административно-территориальное образование», Указ Президента РФ № 1212 от 23.11.1995 г. «О преобразовании поселка Сибирского Первомайского района Алтайского края в закрытое административно-территориальное образование», Указ Президента РФ № 386 от 16.03.1996 г. «Об утверждении границ закрытого административно-территориального образования – г. Новоуральска Свердловской области»

²² Главные из них – зависимость от межбюджетных трансфертов, составляющих до 70% доходной части их бюджетов, и узость рынка труда.

²³ Файков Д.Ю. Системные трансформации закрытых административно-территориальных образований. Автореф. ...д.э.н., 2011.

²⁴ Лаппо Г.М. Итоги российской урбанизации к концу XX века //Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. Под ред. О.Глезер и П.Поляна. М.:ОГИ, 2005. с. 205.

²⁵ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. М.: ОГИ, 2001. с. 128.

²⁶ Ravenstein E. The laws of migration. //Journal of the Royal Statistical Society, 48, 1885. p. 228

²⁷ В 1989 г. – 79 субъектов РФ.

²⁸ Российский энциклопедический словарь. М., 2000. с. 381.

²⁹ Семенов-Тянь-Шанский В.П. То, что прошло. В двух томах. Том первый 1870-1917. М.: Новый хронограф, 2009. С. 376-444.

³⁰ О соответствии «истинных городов» В.П.Семенова-Тянь-Шанского городским реалиям России конца XIX - начала XX вв. см. Лаппо Г.М. Истинные города В.П.Семенова-Тянь-Шанского сегодня

//Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. М.: ОГИ, 2001. С. 79-94.

³¹ По классификации ООН городские поселения делятся следующим образом: самые малые (до 5 тыс. жителей); малые (5 - 20 тыс. жителей); полусредние (20 - 50 тыс. чел.); средние (50 - 100 тыс. чел.); крупные (100 - 500 тыс. чел.); крупнейшие (500 тыс. - 1 млн. жителей); города-миллионеры (свыше 1 млн. чел.). Согласно статье 5 Градостроительного кодекса РФ (1998) городские поселения подразделяются на: малые города (до 50 тыс. чел), средние города (от 50 тыс. до 100 тыс. чел); большие города (от 100 тыс. до 250 тыс. чел); крупнейшие города (от 1 млн. до 3 млн. чел); сверхкрупные города (свыше 3 млн. чел.). Базовая «географическая» классификация, на которую опирается данный текст, следующая: малые (до 50 тыс. чел.), средние (50 - 100 тыс. чел.), большие (100 - 250 тыс. чел.), крупные (250 - 500 тыс. чел.), крупнейшие (500 тыс. - 1 млн. чел.), миллионеры (свыше 1 млн. чел.) – См. Лаппо Г.М., География городов. М.: Гуманитарный издательский дом ВЛАДОС, 1997, с.43.

³² Под «истинным ранговым восхождением» мы понимаем увеличение численности, не связанное с административно-территориальными преобразованиями.

³³ World Bank. Country Economic Memorandum (CEM) – Russian Federation. 2003.

³⁴ Выполнены автором по данным ВПН-2010.

³⁵ Перцик Е.Н. Районная планировка (географические аспекты). М.: Мысль, 1973. с.13.

³⁶ Расстояния между ближайшими городами даже в обжитой европейской части страны велики: А.И.Трейвиш приводит данные о том, что «средний «шаг» между ними [городами] в самых обжитых районах в 20 в. достигал 60-85 км, на Урале – 150 км, в Сибири – 500. Там он уже вдвое меньше, а в ядре страны сократился лишь до 45 – 75 км. В прирейнской Европе, где города лет 500 отстоят на 10-20 км, крестьянин пешком успевал за день на рынок и домой, а горожанин достигал соседнего города. У нас на лошадях ездили дольше» - См. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. С. 252

³⁷ Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир..., с. 277.

³⁸ Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье..., с. 299 – 301.

³⁹ Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир..., с. 258

⁴⁰ Харгет П. География: синтез современных знаний. М., 1979. с.413-414

⁴¹ Так в статистических исследованиях ООН используются два метода учета: так называемые «национальные критерии» и «количественные параметры» (5 и 20 тыс. чел.).

⁴² Трейвиш А.И. Россия: население и пространство //Электронный интернет-еженедельник Демоскоп Weekly. 2003. № 95-96. <http://demoscope.ru/weekly/2003/095/tema01.php>

⁴³ Подробнее см. Щербакова Е.М. Две концепции городских и сельских территорий в Европе //Демоскоп Weekly. 2006. № 253-254. <http://demoscope.ru/weekly/2006/0253/barom04.php>

⁴⁴ Из расчетов Т.Г.Нефедовой следует, что в сельской местности только 6% населения проживало в конце 1990-х гг. в благоустроенных домах – См. Нефедова Т.Г. Благоустройство городов и сельской местности. Деревня в городе //Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. М.: ОГИ, 2001. с.409

⁴⁵ Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: НИСП, 2010. С. 100.

⁴⁶ Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и веси: поляризованное пространство России //Демоскоп Weekly. 2010. № 437-438. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema03.php>

⁴⁷ Официальные данные Росстата о межрегиональной трудовой миграции в Российской Федерации в 2010 году (в среднем за год) //Труд и занятость в России 2011. Росстат, 2011

⁴⁸ Данные обследований, проведенных Центром миграционных исследований под рук. Ж.А.Зайончковской в середине 2000-х гг. //Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. М., 2001. С.10

- ⁴⁹ Нефедова Т.Г. Благоустройство городов и сельской местности. Деревня в городе //Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. М.: ОГИ, 2001. с.409
- ⁵⁰ Трейвиш А.И. Центр, район и страна. Инерция и новации в развитии российского архипелага //Крупные города и вызовы глобализации. Под ред. В .А.Колосова и Д.Эккерта. Смоленск, 2003. С. 59
- ⁵¹ В Венгрии или Польше уровень оснащённости жилых помещений канализацией достигает 87-88% для всего, а не для городского населения. В Великобритании или Австрии составляет 99 - 100%. Ист.: Жилищное хозяйство и бытовое обслуживания населения в России в 2010 году. М.: Росстат, 2010.
- ⁵² Лаппо Г.М. Итоги российской урбанизации к концу XX века //Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. Под ред. О.Глезер и П.Поляна. М.:ОГИ, 2005. с. 190
- ⁵³ Вишневский А.Г. Серп и рубль..., с. 94
- ⁵⁴ Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 38.